

НОВЫЕ КНИГИ

С. Ю. Барсукова

Интеллектуальное путешествие: от призвания к признанию

Рецензия на книгу: Корнаи Я. 2008. *Силой мысли. Неординарные воспоминания об одном интеллектуальном путешествии.*

Пер. О. Якименко. М.: Логос.

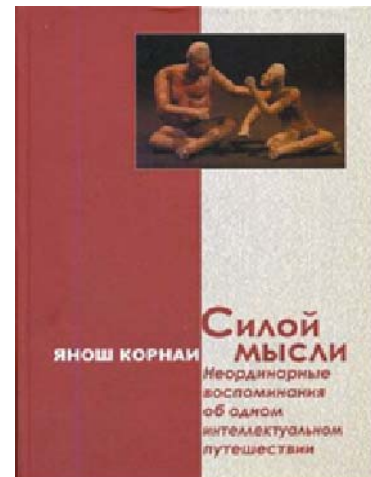
БАРСУКОВА Светлана Юрьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ (Москва, Россия).

Email: svbars@mail.ru

Передо мной последняя книга Яноша Корнаи. Формально — это мемуары. Фактически — это *дневник становления учёного в контексте времени, имеющего историческое и интеллектуальное измерение*. История окрашена в яркие цвета. Жёлтые звёзды на одежде евреев. Красные звёзды на форме освободителей. Снова красные, но уже на оккупантах. Карта мира, подсвеченная красными лампочками соцлагеря, затем их дружное перегорание и замена на обычные, энергосберегающие, в общем-то жёлтые. Это цветовой фон исторического вектора.

Интеллектуальный путь имеет свои опорные точки. Увлечение марксизмом, разочарование в нём. Влюблённость в неоклассическую экономическую теорию, охлаждение как закономерная фаза пылкого чувства. Осмысленный дрейф от нормативного к позитивному формату исследований и обратно. Virtuозное владение техникой интервью, а затем прыжок в экономико-математическое моделирование. Критическое осмысление математической акробатики и самоограничение в её использовании. Ставка на признание в узком кругу профессионалов и популярность у массовых читателей.

Интеллектуальный путь тесно связан с историческими вехами. Интерес к марксизму как своего рода интеллектуальная благодарность стране, освободившей мир от фашизма. Окончательный разрыв с марксизмом-ленинизмом как реакция на советские танки в октябре 1956-го. Репрессии и догматизм последующих лет как основа сознательного решения пробиться в западную экономическую науку. Разбиение мира на два лагеря как поле для сравнения систем. Изучение специфики реального социализма — неэффективного, но жизнеспособного — гранд-тема многих лет и триумф позитивного подхода. Распад соцсистемы как уникальный эксперимент и новый предмет исследования. Зарождение демократии и рынка в бывших соцстранах как социальный заказ на расширение научного амплуа — от исследователя до эксперта.

Конспект книги. Самый краткий из возможных

У меня два пути. Разворачивать представление книги в виде расширения этого конспекта (то же самое, но подробнее) и качеством рецензии считать точность передачи содержания оригинального текста, по пути полемизируя с автором¹. Такие рецензии имеют право на существование, и я этим правом неоднократно пользовалась. Этот путь вполне традиционен и, безусловно, академичен. Второй путь — поделиться своим прочтением книги, то есть поместить текст в орбиту собственных вопросов. Это, безусловно, сплошной субъективизм. Эти вопросы могут быть интересны лишь мне. Да и автор вправе возмутиться, дескать, не за тем и не о том писал. Но я выбираю второй путь, оправдывая выбор спецификой жанра. Я. Корнай делится личным опытом, чем провоцирует такую же личностную реакцию.

Почему Корнай стал тем, кем он стал, или восемь заповедей научного признания

Про таких говорят — небожитель. Все возможные критерии оценки учёного как великого подтвердят это утверждение. Цитируемость? Третье место после Маркса и Ленина у себя на родине в 1970-е годы, а после смены интеллектуальной моды в 1980-е годы и вовсе — первое. Известность в мировом масштабе? Масса переводов, а книга «Путь к свободной экономике» вышла на 17 языках, что является рекордом для венгерских авторов в области обществоведения. Тиражи? В Китае только первое издание «Дефицита» вышло тиражом 100 тыс. экземпляров; в России книга разошлась тиражом 70 тыс. экземпляров. Авторитет в научном мире? Публикации в ведущих международных журналах, первый представитель Восточной Европы на посту президента Международной экономической ассоциации. Профессиональная востребованность? Не многие выбирали между предложениями стать профессором университетов Принстона, Кембриджа, Гарварда и Стэнфорда. Ученики? Учёные, министры, партийные лидеры. Широта аудитории? Экономисты, социологи и просто интересующиеся экономикой. Круг профессиональных контактов? Нобелевские лауреаты за чашкой чая. Идеи? Часть интеллектуального наследия XX в. в области экономики. Можно продолжить. Но не нужно.

О работах Я. Корнай говорили в новосибирском Академгородке, когда я была ещё студенткой. Не прочитать его «Дефицит» было немыслимо, причисляя себя к думающим экономистам. Таков был моральный императив НГУ. Не буду пересказывать впечатления от прочтения. На презентации книги «Силой мысли» в Венгерском культурном центре выяснилось, что я, увы, не оригинальна. Многие делились воспоминаниями о первой встрече с работами Я. Корнай. Впечатления от «Дефицита» были, может быть, разной силы, но одного направления — это верно, потому что правда. А правда об экономике социализма была в то время *главным дефицитом*.

Но по мере сил этот дефицит пытались смягчить многие. Был самиздат, были опальные учёные, были методологические группировки, отрицавшие марксизм. И в СССР, кстати, тоже. Никто не приблизился к Я. Корнай ни по месту на научном Олимпе, ни по широте вещания на внеаудиторную аудиторию.

В чем секрет успеха Корнай? Книга, как мне кажется, даёт ответ. Не тот ответ, который сводится к фрагментам частной жизни отдельного учёного. Идти по этому пути — означает злоупотреблять откровенностью автора. Меня интересует ответ более общего плана, превращающий мемуары в материал для размышлений об *алгоритме научной карьеры в реальном мире*, а не в утопическом вольере состоятельности идей на предмет их истинности. Есть, видимо, и другие пути. Я бы обобщила тот опыт, который представил Я. Корнай, так: *успешная научная деятельность — это не только вопрос призвания, но и осознания того, что наука — арена борьбы за признание*.

¹ Пример тому — рецензия на данную книгу Ю. Кочеврина в журнале Pro et Contra (2008. № 2–3. С. 143–149).

- Не путать формат науки и политики

Корнаи критически исследовал систему, но не ссорился с ней. Он сознательно дистанцировался от политической борьбы. Отказ от предложения выступить по радио в революционные дни 1956-го, войти в число создателей нелегальной газеты после поражения революции, печататься в самиздате, подписать протестное письмо — результат моральной приемлемости нескольких разных стратегий, не ограничиваясь самыми жертвенными. «Одной из причин такого решения было трезвое и горькое осознание собственных рамок» (с. 130). Аналитический склад ума чётко разводил роли учёного и революционера. Всё, что не могло быть высказано в форме научной дискуссии, оставалось невысказанным. По крайней мере, публично. В стол не писалось ничего. А написанное было сделано так, что даже критикуемая система не могла найти повод запретить распространение трудов и сделать учёного опальным, лишив возможности легально печататься и выезжать за рубеж. Сам Корнаи определяет эту стратегию как «самоцензуру». По этой причине критика марксизма не сложилась в опубликованную теоретическую работу, оставшись внутренней наработкой. Он не позволял системе увидеть в нём политического врага, а роль научного оппонента связывала власть в выборе средств обороны, ограничивая их более мягкими и цивилизованными. Конечно, власть видела в Корнаи «чужака», изолировав его от молодёжи, но одно дело не звать преподавать, другое дело запрещать легально работать.

- Дистанцироваться от *любой* власти

Корнаи жил при разных правителях. От дающих надежду до забирающих её. Ему достались времена от просто душных до страшных, от догматизма до репрессий. Он видел попытки и реформировать социализм, и построить на его развалинах рыночную экономику. Его посещали и отчаяние, и эйфория. Времена менялись, отношение к правителям тоже, но неизменным оставался принцип дистанцирования от власти. И даже когда победили силы, провозгласившие развитие рынка, Корнаи очень осторожно пошёл на контакт. При этом подчёркивая, что согласен выполнять роль независимого эксперта, но не публичного сторонника режима. «Человек не может быть пристрастным политиком до обеда и беспристрастным исследователем после» (с. 111).

- Иметь устойчивые научные интересы, бить в одну точку

Я. Корнаи рано познал признание, но не испытал соблазна (или преодолел его) жить на ренту от него. Он стал автором не книги, а направления. Позитивному подходу к изучению реального социализма было посвящено множество статей, книг, публичных лекций, выступлений на конференциях. Останься он автором одной книги, пусть даже «Дефицита», сейчас бы о нём говорили не экономисты, а историки. В отличие от многих авторов действительно новаторских идей, потративших энергию на обиды и напоминания профессиональному сообществу о том, что именно они были первыми, Корнаи клал книги как кирпичи. Получилась стена, отделяющая его от авторов талантливых фрагментов. Фактически, он реализовал широкомасштабный проект, который, возможно, осознал лишь постфактум. «Какими бы разными областями я не занимался, все мои работы дополняли друг друга, охватывая отдельные части целого» (с. 349). Имея устойчивый научный интерес, Я. Корнаи менял исследовательские методы, темы, базы данных, стили, что поддерживало интерес к его работам. Сочетание исследовательской новизны и предсказуемости основной идеи — обеспечивало интерес и облегчало понимание читателей. Говоря языком спорта, он победил не в одном эффектном забеге, а в многоборье по сумме очков.

- Век живи — век учись, или образование — серебро, а самообразование — золото

Я. Корнаи сокрушается, что не имел возможности учиться в университете. Думается, напрасно. Университет, конечно, даёт знания, но в придачу к ним внушается уверенность, что это именно те знания, которые необходимы и достаточны. По крайней мере, на первое время. Авторитет университета слу-

жит тому порукой. Услышанное в стенах вуза труднее подвергнуть критическому переосмыслению, чем самостоятельно освоенное. Личность преподавателя стоит между студентом и книгой, направляя восприятие. Я. Корнаи был *вынужденно свободен* как в выборе книг, так и в их оценке, по пути наращивая навык самообучения. И этот навык, как показало время, оказался более ценным ресурсом, чем университетский диплом. Редчайший случай — минуя университетское образование, защищается кандидатская диссертация (Ph.D.). Самостоятельно осваивается английский язык. В порядке самоподготовки изучается математика и доводится до уровня, достаточного для создания работ по математическому моделированию экономики. Собственными силами познается марксизм, неоклассическая экономическая теория, основные работы по смежным общественным наукам. Разум автора против разума читателя. Без искажающих линз в виде учебной трактовки и согласованных оценок, где собственный критический анализ гибнет под толщей экзаменационных требований и доверия к преподавателю. «Я осмелился и смог быть оригинальным *именно потому*, что не шёл с уважительным восхищением по стопам какого-нибудь профессора» (с. 100). В то время как целые поколения экономистов различались «пакетами» знаний, вручаемых в университетах в русле интеллектуальной моды, Корнаи формировал свой «пакет» сам. Образовательная фабрика выпускала в качестве экономистов то знатоков марксизма, то математических умельцев, то бухгалтеров, то обозревателей современных теорий. Корнаи легко оставлял их позади, совмещая эти знания и постоянно расширяя их спектр.

- Всё пропускать через критический анализ, или не сотворить себе кумира

Наверное, только самоучка может так смело судить о вещах, кажущихся другим каноническими. Первой «жертвой» критической рефлексии Я. Корнаи стал К. Маркс. Сначала восторженное почитание его логической стройности, потом примеривание этой конструкции к жизни. И разочарование как результат. Если нет возможности проверить, равна ли сумма трудовых стоимостей сумме цен, то нет основания брать это утверждение на веру. Корнаи не боится прослыть простолудином в науке, оценивая теорию по целесообразности её использования в качестве инструмента познания реальности. Он ломает стереотипы, вступая в полемику по вопросам, считавшимся хрестоматийными. Так, основа основ неоклассики — положение о равновесии рыночной системы, когда спрос уравнивает предложение через механизм конкуренции и цен, для Корнаи всего лишь повод для размышлений. Их итог — книга «Антиравновесие», основная идея которой состоит в том, что и рыночная, и социалистическая экономика имеют свои равновесные, то есть устойчивые состояния, принципиально асимметричные с точки зрения позиций продавцов и покупателей. Заметим, вновь в основе рассуждений Корнаи лежит наблюдаемая практика. Вальрасовская же модель балансировки спроса и предложения, позже доработанная Эрроу и Дебре, — результат предпосылок, не наблюдаемых в реальной экономике, в том числе информационной прозрачности системы. «...Когда информация ненадежна, искажена, не следует думать, будто рыночный механизм стопроцентно приведёт экономику к оптимальному состоянию» (с. 201). Что не говорит против модели, а исключительно против наивности тех, кто видит в модели аналог реальности. Ценность моделей не в том, насколько они приближены к жизни, а в том, что они чётко выделяют набор предпосылок, при которых то или иное утверждение было бы справедливо. То есть модель — это список предупреждений. Именно поэтому Эрроу стал одним из первых, кто впоследствии разрабатывал тему неопределённости и провалов рынка. Корнаи, будучи автором классических работ с использованием экономико-математических моделей, казалось бы, должен радоваться приходу моделирования в политологию, социологию. Вместо этого он объясняет, почему этого не следует делать. В социальной жизни почти никогда не работает базовая предпосылка оптимизационного моделирования — повторяемость выбора. Выборы несопоставимы по контексту, в которых они осуществляются. Ни отдельный учёный, ни метод, ни направление не становятся для Я. Корнаи «священной коровой», восторженно принимаемыми без критического разбора границ адекватности. «...Одной ногой стою в мейнстриме, а другой — снаружи» (с. 213).

- Быть в эпицентре интеллектуальной жизни

Я. Корнаи не удовлетворился популярностью на родине. И даже когда его первую книгу «Сверхцентрализация» напечатали в Оксфорде, он понимал, — это ещё разговор не на равных. Западу была интересна экзотическая эмпирика, укладывающаяся в привычную схему о неэффективности централизованной экономики. В Венгрии становилось всё душнее. Напуганное октябром 1956-го правительство пропалывало ростки инакомыслия. Запад был символом интеллектуальной свободы. В этих условиях определяется цель — войти в западное сообщество экономистов на равных, формируя целостное понимание каузальных связей бюрократического регулирования. Достижение этой цели потребовало всего-то: освоить английский язык, математику, неоклассическую теорию как мейнстрим тех лет. Наверное, пройти этот путь может только тот, кто воспринимает его как безальтернативный. Если только отступить некуда, позади — кадаровская Венгрия с населением в десять миллионов. Корнаи подчинил этой цели не только программу самообразования, но и всю стратегию поведения. Самоцензура, чтобы быть выездным. Публикации в престижных международных журналах. Контакты с западными коллегами. Исследования реального социализма, демонстрирующие преимущества очевидца. Один за другим бастионы западного научного мира сигнализируют о признании Корнаи. Его приглашают выступить, предлагают стажировки, зовут на профессорские должности, создают условия для работы. Критерий отбора предложений — довольствоваться лучшим, стремиться туда, где наиболее высокая плотность интеллектуальных контактов по теме сравнения систем. По этой причине Гарвард был предпочтен Стэнфорду. После снятия «железного занавеса» многие ровесники Я. Корнаи попытались интегрироваться в западную науку, но поняли, что это надо было делать «вчера». С одной стороны, они шли отрядом и в восприятии Запада слипались в безликую толпу, с другой стороны, их мышление уже сформировалось как провинциальное. К тому же плановая система подошла к финалу, а подводить итоги должен был уже признанный мастер.

- Писать не так, чтобы можно было понять, а так, чтобы нельзя было не понять

Не многие так ясно пишут. Одни не могут по причине запутанности мысли, другие не хотят, понимая, что ясно выраженная мысль — более лёгкая мишень для критики, чем та же мысль, завёрнутая в многослойный словесный туман. Чтобы понять смысл сказанного, надо затратить столько усилий, что на полемику сил уже не останется. В этом смысле Я. Корнаи откровенно подставляется. Званию элитарного мыслителя он однозначно предпочитает роль трезвомыслящего экономиста, чьи идеи обращены к широкой аудитории. Такой выбор вытекает из гражданской позиции Я. Корнаи: беспристрастность учёного не означает, что ему нет дела до общественного резонанса своих идей. Он доступен для понимания, для несогласия, для снисходительного отношения поднаторевших в теории молодых дарований. Распространённое в их среде противопоставление «академизма» и «журнализма» почти забавно на фоне биографии Корнаи, который начинал как журналист. Это начало длилось восемь лет. Первая книга «Сверхцентрализация», кстати, переведённая на английский язык, была написана на материалах интервью и вдохновлена журналистским опытом. Потом были работы сурово математического профиля. Но популярности их идеям придавал не только элегантный формализм, но и бойкое перо вчерашнего журналиста. Примечательно, что, разбирая причины невосприимчивости научного сообщества к ряду своих идей, Корнаи размышляет о стилевых особенностях их изложения. «Слишком много педантичных определений. ... Читателя оттолкнуло обилие новых понятий. ... Лучше было высказать все это в форме эссе» (с. 211). Корнаи — убеждённый противник «научности», при которой «математическая формула или уравнение болтаются на аргументации, как побрякушки на платье» (с. 288). Рассчитывающий на широкую аудиторию должен владеть её языком.

- Хороший человек — не профессия, но конкурентное преимущество

Судя по книге, Я. Корнаи умеет жить среди людей. Они его не раздражают своим несовершенством. И даже их инакомыслие не служит поводом для разрыва отношений. Есть поступки, которые не прощаются, но их меньше, чем библейских заповедей. Не могу судить, сколько физического и душевного здоровья сохранил для Корнаи такой подход, но научная карьера выиграла от этого безусловно. Рабочие контакты перерастали в человеческие отношения, на которые можно было опереться впоследствии. Люди подставляли свои плечи под его заботы добровольно и добросовестно — переводили, пробивали издания, консультировали, давали советы, организовывали приглашения. Конечно, они ничем не рисковали, — Корнаи не мог разочаровать. Но крепких профессионалов было много, а помочь хотелось не всем. Книга наводнена именами людей, которым Корнаи благодарен. И этих людей можно понять. Одно дело тянуть ляжку приятельских контактов, заботясь о некоем оптимальном уровне рентабельности дружбы, к чему пришли все неглупые и хорошо воспитанные люди. И другое дело ценить тепло человеческих отношений настолько, чтобы пригласить на обед в Гарвардский профессорский клуб своих домашних уборщиц. Потому что девушки хорошие и работают честно. Профессора удивились. И, возможно, позавидовали внутренней свободе венгерского ученого.

Почему Россия не стала родиной Корнаи, или несколько причин изоляции от западной науки

Советские обществоведы в книге почти не упоминаются. Хотя она набита именами. Ровно четыре упоминания на четыреста страниц текста: благодарность Р. Г. Карагедову за рецензию на «Дефицит», спор с В. Р. Хачатуровым по поводу принципиальной устранимости дефицита при подчёркнутом нейтралитете нобелевского лауреата Л. Канторовича, приглашение на конгресс Т. И. Заславской. Примерно с той же степенью краткости. И это в книге, где предпринят самоанализ интеллектуального становления. Из чего можно понять: советские, а затем и российские обществоведы не оставили следа в памяти Я. Корнаи. И это отдельный интересный сюжет. Ведь был визит в Москву, знакомство с российскими коллегами. Была исключительная роль СССР сначала в создании, а потом в разрушении соцлагеря. Были критически настроенные и эмпирически добросовестные исследователи плановой экономики из числа наших соотечественников. Почему их как будто не было?

То есть они, конечно, были. Но как представители советского обществоведения, *за пределами* западной науки (за редким исключением математического крыла с Канторовичем во главе). Корнаи же был *внутри* западной науки. Но ведь и у нас были не ортодоксы, сторонники позитивного подхода, широко образованные и оригинально мыслящие учёные. Почему среди них не появился российский Корнаи, признанный Западом (а потом, как по наследству, и Востоком) гранд-исследователь плановой экономики? Я не про отдельные биографии, а про системные вещи.

Начнем с того, что Россия — не Венгрия. Этим можно было бы и закончить. Все остальное — лишь разворачивание этого тезиса.

Первое отличие состоит в том, что Советский Союз имел огромный *внутренний рынок* научной деятельности. И неплохой диапазон формальных стимулов. Это относится и к современной России. Нет вынужденности интеграции с западной наукой, когда уозость национальной аудитории не оставляет выбора. Здесь свои метки профессионального роста в виде негласной иерархии журналов, конференций, исследовательских команд. А перебраться из провинции в Москву означает порой преодолеть куда большее расстояние (физическое, культурное, интеллектуальное), чем из Будапешта в Гарвард. Миграционный кураж на этом иссякает.

Далее, не будем забывать, что плановая экономика была подарена миру *нами*. То есть это было наше дитя, — порочное, но родное. Эмоциональная подоплека критики социализма венгерским учёным была

связана с навязыванием этой системы со стороны Москвы. Интеллектуальное исследование питалось культурным неприятием. Рациональные аргументы базировались на ценностных основаниях.

Не забудем и то, что разрыв с марксизмом и поиск методологической замены был вызван для Корнаи не просто размышлениями, но событиями 1956 г. и последовавшими за ними репрессиями. У нас под словом «репрессии» понимались другие масштабы жертв. На историческом календаре у них было отрезвление, а у нас подходило время иллюзиям «шестидесятников». В силу этих и ещё многих других причин недоверие к марксизму вело в СССР к диссидентству или к созданию кружков единомышленников чаще и логичнее, чем к стремлению в мировую науку. Да и для Запада советские учёные были представителями Империи зла, а наши социалистические коллеги — её жертвами, которым по-человечески хотелось помочь, дать дорогу, включить в свои ряды.

* * *

Любите ли Вы читать мемуары? Вопрос бессмысленный. Потому что ответ на него не имеет отношения к моему совету: прочтите книгу Я. Корнаи. Это не тот случай, когда в форме мемуаров пытаются поддержать угасающий интерес к собственной персоне, продавая приватные подробности, свои и чужие. Это критический разбор собственного полёта длиною в жизнь. И хотя наши полёты проходят на разных высотах и по разным маршрутам, предложенная Яношем Корнаи навигационная карта может многим пригодиться. Вдруг захочется выше и дальше...